

Ледовое побоище 1242 г. (новое осмысление)

А. Н. Кирпичников

Сражение 5 апреля 1242 г. на льду Чудского озера между русскими войсками и немецкими рыцарями-крестоносцами продолжает привлекать внимание историков. На его оценку не раз оказывали влияние политические тенденции, а описание сражения обросло домыслами и мифами. Порой утверждают, что там с каждой из сторон воевало от 10 до 17 тыс. человек. Это приравнивает битву к событиям, для средних веков исключительно многолюдным. По мнению ряда военных специалистов, Ледовое побоище — первый крупный случай в истории, когда тяжелая рыцарская конница была разбита в поле преимущественно пехотой. Оно характеризовалось и как пример превосходства русского военного дела над западным. Оценка роли сражения претерпевает и иную крайность, когда его рассматривают как эпизодическое и малозначительное¹.

Правда, в изучении Ледового побоища достигнуты и позитивные результаты. Они связаны, в частности, с уточнением места сражения, приведением в систему касающихся его источников². И все же донныне сохраняются неясные факты, особенно относящиеся к тактике боя, построению войск, их численности. Попытка нового осмысления имеющихся сведений стала теперь возможной на основании тех знаний о военном деле, которые достигнуты современной оружейведческой отраслью военного дела и археологии.

Главная достоверная информация о Ледовом побоище содержится в Новгородской I летописи, чья запись современна событию. Летописец, сообщая данные о войне Новгорода с Ливонским орденом в 1242 г., несколько кратких замечаний уделил и самому сражению. Военное противостояние Руси немецким рыцарям привлекло также внимание автора «Жития Александра Невского», созданного в 1280-е годы, причем во многом на основании рассказов свидетелей, лично знавших или наблюдавших князя Александра Ярославича как полководца. Относительно же сражения сведения «Жития» не слишком дополняют летописные: приведено лишь свидетельство «самовидца», узревшего на небесах благоприятное знамение — «полк божий»³. Эти данные сохранились и в более поздних летописях. Они почти не содержат новых фактических дополнений, зато прибавляют ряд расцветенных, сугубо украшательских деталей.

Суммируя летописные и житийные сообщения, можно констатировать, что они даже по сравнению со сведениями о Невской битве со шведами 1240 г. более лаконичны. Мы узнаем из них о походе 1242 г., неудаче разведывательного отряда, отходе русских войск на лед Чудского озера, построении рыцарского отряда, его разгроме и бегстве, а подробности боя не приводятся. Нет и обычных данных о расстановке полков, подвигах единоборцев, поведении полководцев. Не названы немецкие военачальники. Отсутствуют имена погибших новгородцев (обычно такие случаи отмечались, если их число было значительным). Эти умолчания, видимо, связаны с неполной и с несвоевременной информацией о происшедшем. Мог сказаться определенный

Кирпичников Анатолий Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом Института истории материальной культуры РАН.

стиль летописца, который вообще часто обходил подробности военных столкновений, считая их само собой разумеющимися и вовсе не обязательными для погодных записей. Недостающие подробности содержит текст «Старшей Ливонской рифмованной хроники», написанной в последнем десятилетии XIII века. Она предназначалась для чтения среди рыцарей, и многие приведенные в ней стихотворные повествования, несмотря на их стереотипность, имеют документальный характер.

Невское сражение 1240 г. способствовало успешной борьбе новгородцев в защите их северо-западных рубежей. Невероятно, но это событие развертывалось в дни катастрофического для Руси татаро-монгольского нашествия, уничтожившего массу людских и материальных ресурсов Южной и Северо-Восточной Руси. Затем, в 1241 г., приглашенному в Новгород еще в 1236 г. переяславскому князю Александру, внуку Всеволода Большое Гнездо, удалось очистить Водскую землю и освободить захваченное ливонцами Копорье. Эта операция показала, что объединенными силами новгородцев и местных финноязычных племен можно добиться успеха в борьбе с Ливонским орденом. Новгородцы, рассорившиеся было с Александром, опять пригласили его для продолжения войны против ордена.

Момент нового подхода был выбран удачно: рыцари, воцарившиеся в Пскове и округе, не успели там укрепиться. К тому же часть их сил воевала против куршей (латышское племя) и литовцев. Поход русских явился для ордена неожиданностью, в результате рыцари без боя были изгнаны из Пскова, и войско Александра вторглось в ливонские пределы. В состав русской рати входили новгородцы (состоятельные черные люди, бояре, городская старшина), княжеская дружина, «низовцы» из Владимиро-Суздальской земли — отряд, посланный великим князем Ярославом Всеволодовичем на помощь сыну, под руководством Андрея Ярославича, затем псковичи, присоединившиеся к Александру после освобождения их города. Итого — не менее трех полков. Отдельное подразделение составляли лучники. Общая численность войска неизвестна, отмечено только, что полки шли «в силе велице», а немецкий источник сообщает о 60-кратном превосходстве русских, что явно преувеличено.

Вторжение в Ливонию преследовало разведывательные цели, но новгородцы готовы были принять и полевой бой. В ожидании противника велся поиск, пополнялись припасы, захватывались пленные. Полки достигли Дерптского епископства, однако осаждать его города и замки не стали, держась в прибрежной части Чудского озера. Братья-рыцари и дерптцы (по летописи — чудь) при поддержке датчан, владевших Северной Эстонией, выступили навстречу. Возможно, этим войском командовал вице-магистр А. фон Вельвен. Тут новгородцы отступили на лед Чудского озера, став «на Узмени у Вороня камня» (по-видимому, у о. Городец на Теплом озере). Сюда же в боевом порядке подошло Орденское войско. Место сражения, предложенное русской стороной с расчетом осуществить охват рыцарского построения «свиньей», предполагало маневренный бой одновременно несколькими отрядами.

Хотя боевой порядок русских не описан в источниках, он поддается истолкованию: в центре находился княжеский полк, рядом стояли полки правой и левой руки, впереди главного полка расположились лучники. Налицо — типичное для того времени трехчастное деление основного войска. Оно могло быть и более сложным. Напомним о подробно описанном в летописи сражении при Раковоре (Раквере) в Северной Эстонии 1268 года. Дело в том, что по тактическим деталям боя оно поразительно походило на Ледовое побоище. Русскому войску немцы противопоставили там три отряда. Главным подразделением у них являлась «великая свинья» из рыцарей и кнехтов. Железному полку рыцарей противостояли четыре русских отряда, причем один был расположен не на линии основных сил, а правее полка правой руки и «выше» по местности. Это выдвинутое вперед подразделение предназначалось для удара по левому флангу «великой свиньи» и захода ей в тыл, ибо борьба с рыцарским железным строем только в лоб сковала бы русских и сделала уязвимым их боевой порядок, не оставляя тактических преимуществ.

Не исключено, что Ледовое побоище научило новгородцев воевать с монолитным рыцарским строем посредством мобильных отрядов, используя впереди лучников и стремительные фланговые охваты. Правда, пока не известно, распределялось ли и в 1242 г. немецкое войско, не считая «свиньи», на отдельные отряды. По источникам создается впечатление о действиях как будто бы одного сплоченного отряда рыцарей с союзниками⁴. Русское войско было в 1242 г. преимущественно конным.

Бой разгорелся утром. Первый удар рыцарей приняли на себя лучники: «И прошибошася свиньею сквозе полк». Лучники обычно использовались в начале сражения, издали осыпая противника градом стрел, но они не вступали в рукопашную схватку. Так было и тогда. По словам «Рифмованной хроники», «русские имели много стрелков, которые мужественно приняли первый натиск перед дружиной князя. Видно было, как отряд братьев-рыцарей одолел

стрелков». Пока инициатива оставалась за немцами. Вслед за сближением и завязкой сражения в бой включились главные силы, началась рукопашная, с обеих сторон сошлись конные копейщики, которые после столкновения переходили к применению клинкового оружия. Автор «Жития» передает ожесточение борьбы в привычных выражениях: «И бысть сеча зла, и треск от копий ломления, и звук от сечения мечного, яко же и озеру промерзъшу двинути ся. И не бе видети леду: покры бо ся кровию»⁵.

Как разворачивалось сражение в деталях, можно лишь гадать. Известен, однако, переломный момент: «Те, которые находились в войске братьев-рыцарей, были окружены... Братья-рыцари достаточно упорно сопротивлялись, но их там одолели». Когда «свинья» втянулась в бой с противостоявшим центральным полком, боковые полки охватили фланги немецкой рати. При этом «часть дерптцев вышла из боя, это было их спасением, они вынужденно отступили». Речь идет о кнехтах, прикрывавших рыцарей с тыла. После этого ударная сила немецкого войска осталась без прикрытия и, окруженная, не смогла сохранить боевой порядок, перестроившись для новой атаки, к тому же осталась без тылового охранения. Это предопределило разгром рыцарей.

Сражение завершилось преследованием бежавших врагов. Часть их погибла в бою, часть была пленена, часть оказалась на тонком льду — «сиговице» — и провалилась в воду. Русские тоже понесли потери: «Эта победа стоила ему (Александру.— А. К.) многих храбрых людей»⁶.

В летописи отмечена главная особенность ливонского войска: оно вступало в бой «свиньею» — клиновидным построением. Русский термин являлся переводом немецкого *Schweinkorpf* и латинского *caput roci*, которые связаны с понятием клина, или остря (синеус, асies). Последние два термина употреблялись, начиная с древнеримского времени, хотя их не всегда должно истолковывать фигурально. Так нередко назывались и отдельные отряды, независимо от способа их построения⁷. Тем не менее клинообразный строй — не плод фантазии древних писателей, ибо идентичное построение реально использовалось и в боевой практике XIII—XV вв., выйдя из употребления только в конце XVI столетия.

Построение клином поддается реконструкции в виде длинной колонны с треугольным увенчанием. Ее подтверждает воинское наставление «Приготовление к походу», написанное в 1477 г. курфюрстом Альбертом для его сына, бранденбургского маркграфа Иоанна. В нем перечислены три хоругви боевого отряда с названиями «Гончая», «Св. Георгия», «Великая». Они насчитывали 400, 500 и 700 конных воинов, во главе каждой находились знаменосец и отборные рыцари в 5 шеренг. В первой шеренге выстраивалось от 3 до 9 всадников, в последней — от 11 до 17, общее число воинов клина составляло 35—65 человек. Шеренги ставились с таким расчетом, чтобы каждая последующая увеличивалась на флангах на два рыцаря, то есть крайние воины относительно друг друга располагались уступом, охраняя сбоку скачущего впереди.

Практическая особенность клина состояла в том, что он был приспособлен для концентрированного лобового удара и трудно уязвим с флангов. Вторая часть хоругви — четырехугольное построение кнехтов, в каждом из трех отрядов соответственно по 365, 442 и 629 (либо 645). Они располагались в глубину, линиями от 33 до 43 шеренг, в каждой по 11—17 конных. Среди кнехтов находились и слуги в составе боевой свиты рыцаря: лучник или арбалетчик, а также оруженосец. Вместе они образовывали низшую войсковую единицу — «копье» (3—5 человек). Во время боя эти воины приходили на помощь господину и меняли ему коня⁸.

К достоинствам клиновидной хоругви относятся ее сплоченность, фланговая прикрытость, таранная сила первого удара, четкая управляемость. Строй такой хоругви был удобен и для передвижения, и для завязки боя, ибо сомкнутым шеренгам головной части отряда при соприкосновении с противником не нужно было разворачиваться для защиты флангов. К тому же, клин надвигающегося воинства производил устрашающее впечатление и мог сразу вызвать смятение в рядах противника. Он предназначался для разрыва строя противостоящей стороны с последующей быстрой победой. Но такому плану были присущи и недостатки. В ходе боя, если он затягивался, лучшие силы могли быть первыми выведены из строя, а кнехты во время схватки рыцарей находились в выжидательном состоянии и слабо влияли на результат боя. Иногда клиновидную колонну, судя по сражению войска маркграфа Альбрехта Ахилла с нюрнбержцами в 1450 г. при Пилленрейте, замыкала шеренга рыцарей⁹. Вообще же кнехты были не слишком надежны, что подтвердилось и во время Ледового побоища, когда часть дерптцев бежала, обнажив рыцарский тыл.

В разных регионах Европы «свинья» имела свои особенности. А в XIII в. такие тактические единицы были характерны и для немцев, и для поляков, и для литовцев, и для русских. С замечательными подробностями их строй описан Яном Длугошем в рассказе о битве 1410 г. при Грюнвальде: «Великий князь Литвы Александр (Витовт.— А. К.) занимался построением

литовского войска. Разделив его по стародавнему обычаю предков по клиньям и отрядам, он поставил в каждом клине в середину рыцарей на худших конях или недостаточно хорошо вооруженных, которых окружали другие — на более сильных конях и отлично вооруженные. Такие клинья, сомкнутые и сгущенные, не допускали разреженности рядов, но один клин держался отдельно от другого на большом расстоянии. Под конец великий князь Литвы Александр свел эти клинья в сорок знамен, которым мы называем хоругвями, и велел каждому отряду и клину следовать под своим знаменем и подчиняться своему начальнику». Тут хоругвь включала в себя клин и колонну (состояла из двух частей). Эти смешанные хоругви имели во главе 4, 5 и 9 рыцарей, которые образовывали первую головную шеренгу клина¹⁰.

По наставлению 1477 г., клиновидный отряд состоял из 400—700 всадников, однако численность тактических единиц не была постоянной. Так, в одном из столкновений 1433 г. баварский отряд состоял из 200 рыцарей, а в его головной части стояли в трех шеренгах 3, 5 и 7 воинов. В сражении 1450 г. колонна-клин насчитывала 400 конных рыцарей и кнехтов. По данным Длугоша, в семи тевтонских хоругвях, бившихся при Грюнвальде, было 570 копий, то есть в каждой — по 82 копия, что с учетом рыцаря и его свиты составляло 246 сражавшихся. По другим данным, в пяти хоругвях ордена при выплате жалованья насчитывалось в 1410 г. от 157 до 359 копий и от 4 до 30 стрелков в каждой. Значит, рыцарский отряд XV в. мог достигать 1 тыс. всадников, хотя чаще включал несколько сот человек. В военных эпизодах XIV в. число рыцарей отряда было меньшим: от 20 до 80, без кнехтов. Так, по данным, относящимся к 1331 г., пять прусских хоругвей насчитывали 350 конных, то есть по 70 в каждой хоругви (примерно по 20 копий)¹¹.

Имеется возможность определить и численность ливонского боевого отряда XIII века. В 1268 г. в битве между русскими и немцами у Раковора выступал «железный полк — великая свинья». Согласно Рифмованной хронике, там сражались 34 рыцаря и ополчение. Если это число дополнить командиром, то 35 человек будут точно соответствовать составу рыцарского клина одного из отрядов, отмеченных в наставлении 1477 г., но для «Гончей» хоругви, а не для «Великой». В том же источнике упоминается число кнехтов такой хоругви — 365. С учетом того, что численность головных частей отрядов 1477 и 1268 г. практически совпадает, можно полагать, что по общему количеству эти подразделения тоже приближались друг к другу. Исходя из этого, можно судить об обычной величине немецких клинообразных хоругвей XIII века. Ливонский отряд 1242 г. по составу вряд ли превосходил раковорскую «великую свинью», ибо в том году Ливонский орден, отвлеченный борьбой в Курляндии, не мог выставить крупного войска.

В результате сражения на льду Чудского озера пало 400 рыцарей, 50 попали в плен и «паде чюди бещисла». Приведенные потери, конечно, преувеличены. По сведениям Рифмованной хроники, тогда погибли лишь 20 рыцарей и 6 взято в плен. С учетом состава обычного рыцарского «копья», состоящего обычно из трех человек, число убитых и пленных рыцарей и кнехтов могло достигать 78. Близкую цифру — 70 погибших рыцарей — приводят немецкие источники второй половины XV и XVI века¹². Откуда взялась столь точная цифра урона, неизвестно. Но цифры Рифмованной хроники близки к истинным. Если убитых и плененных рыцарей было 26, то почти все они входили в состав клина: первыми вступили в бой и подверглись наибольшей опасности. С учетом их построения в 5 шеренг можно предполагать, что численность клина составляла не более 30—35 рыцарей, так что неудивительно, если большая их часть сложила головы на поле боя. Такой состав клина предполагает его максимальную ширину в виде шеренги из 11 бойцов. Число кнехтов в подобных колоннах составляло чуть более 300.

При всех расчетах и допущениях общая численность ливонского воинства в 1242 г. вряд ли превосходила 300—400 человек, если не была даже меньшей. Ливонцам противостояли несколько более крупные силы русских. В целом, Ледовое побоище нет оснований считать многолюдным, что, естественно, не снижает его исторического значения. Вообще подавляющая часть военных действий в средние века велась сравнительно малыми силами. Еще в XIII в. сражение на льду Чудского озера было расценено как запоминающаяся победа русского оружия. Как писал автор «Жития», «зде же прослави Бог Александра пред всеми полкы... и не обретесе противник ему во брани никогда же». Ледовое побоище не отличалось ни большим числом участников, ни ошеломляющими потерями, но по своим последствиям оказалось судьбоносным, ибо обозначило крушение захватнических планов Ливонского ордена на Руси в самый трагический момент ее истории.

Характерно, что победитель не воспользовался благоприятным моментом, чтобы обрести какую-либо выгоду. Что касается рыцарей, то они не замедлили «с поклоном» прислать послов в Новгород: «Что есмы зашли Водь, Лугу, Псков, Лотыголу мечем, того ся всего отступаем». Были возвращены псковские заложники, состоялся обмен пленными. Особенно

сокрушались ливонцы, что им не удалось удержать Псков: «Если бы Псков был тогда убережен, то это приносило бы сейчас пользу христианству до самого конца света. Это неудача. Кто покорил хорошие земли и плохо их занял военной силой, тот заплачет, когда он будет иметь убыток, когда он, скорее всего, потерпит неудачу»¹³.

Мир 1242 г. привел к желанной передышке в военных действиях. Причем князь Александр не проявил перед побежденными своего превосходства и, возвращаясь из похода, произнес в Пскове такие слова: «О мужи, псковичи, се же вам глаголю! Аще кто и напослед моих племенник или прибежит кто в печали, или тако приидет жити во град Псков, а вы его не примете, и не почтете это, и наречетея вторая Жидова, распеншей Христа». Данное известие заслуживает доверия, относясь к числу древнейших псковских летописных записей¹⁴. Смысл приведенных слов ученые истолковывают как призыв к псковитянам принимать у себя князей из рода Александра Ярославича. Но эту речь можно понимать и более расширительно, с выражением пожелания, чтобы псковитяне сохраняли открытость, свободу общения, гостеприимство и верность отчизне. Тут отразилось стремление Александра как дальновидного политика напомнить о необходимости связей Пскова со всеми соотечественниками.

Победа 1242 г. явилась после Невской битвы, штурма Копорья и освобождения Пскова крупным успехом Новгорода. Справедливо мнение В. Н. Татищева: «Бысть много храбрых и крепких мужей, и исполнишася вси духа ратного; бе же сердце их аки львом, лехкостию же быша аки орлы»¹⁵. «Железная свинья» перестала казаться несокрушимой. Впереди у Александра Невского были новые победы в битвах с литовцами и чудью, мучительные переговоры с ханами, посмертная слава защитников Отечества, когда под вопрос было поставлено само его выживание. Значение победы 1242 г. было понято и автором «Жития» Александра: с той поры «нача слыти имя его по всем странам и до моря Египетского, и до гор Араратских и об ону страну моря Варяжьского, и до великаго Рима»¹⁶.

Примечания

1. СТРОКОВ А. А. История военного искусства. Т. I. М. 1955, с. 267; РАЗИН Е. А. История военного искусства. Т. II. М. 1957, с. 163; ФЕННЕЛ Дж. Кризис средневековой Руси: 1200—1304. М. 1989, с. 142, 145—146; и др.
2. Ледовое побоище 1242 г.: труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.—Л. 1966; ТИХОМИРОВ М. Н. Древняя Русь. М. 1975, с. 368—374.
3. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л. 1950, с. 78—79, 295—297.
4. ПАШУТО В. Т. Рифмованная хроника как источник по русской истории. В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М. 1964, с. 106; Новгородская Первая летопись, с. 86.
5. Новгородская Первая летопись, с. 78; Ледовое побоище, с. 213, 183.
6. Ледовое побоище, с. 213—215.
7. СРЕЗНЕВСКИЙ И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб. 1903, с. 172, 273; НИДЕРЛЕ Л. Славянские древности. М. 1956, с. 370, прим. 3; ЛАТЫШЕВ В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе.— Вестник древней истории, 1949, № 3, с. 299, 302.
8. JÄHNS M. Handbuch einer Geschichte des Kriegswesens von Urzeit bis zur Renaissance. Leipzig. 1880, S. 979—985; VERBRUGGEN J. F. De Krijgskunst in West-Europa in de Middeleeuwen. Brüssel. 1954, p. 558.
9. ДЕЛЬБРЮК Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. III. М. 1933, с. 156 сл., схема 12.
10. ДЛУГОШ Я. Грюнвальдская битва. М.—Л. 1962, с. 72; NADOLSKI A. Grunwald. Problemy wybrane. Olsztyn. 1990, s. 115.
11. ДЕЛЬБРЮК Г. Ук. соч., с. 158, 159; NADOLSKI A. Op. cit., s. 107; KUCZYŃSKI S. M. Wielka wojna z zakonem krzyżackim w latach 1409—1411. Warszawa. 1955, s. 182—183; EKDAHL S. «Die Banderia prutenorum» des Jan Dlugosz — eine Quelle zur Schlacht bei Tannenberg 1410. Göttingen. 1976, S. 12, 22, 141.
12. Новгородская Первая летопись, с. 78; Ледовое побоище, с. 226, 227, 236, 239; ПАШУТО В. Т. Ук. соч., с. 106.
13. Новгородская Первая летопись, с. 296, 78, 79; Ледовое побоище, с. 211.
14. Псковские летописи. Вып. 1. М. 1955, с. 13; вып. 2, с. 21; Ледовое побоище, с. 181.
15. ТАТИЩЕВ В. Н. История Российская. Т. 5. М.—Л. 1965, с. 32, 33.
16. Ледовое побоище, с. 184.